

После получения независимости, Франция возвращается в страны Африки как неокolonизатор, действующий не силой, а с помощью манипуляций, в том числе и медийных. Примером являются президентские выборы, которые проходят в Мали раз в 5 лет. Почти невозможно стать президентом Мали без поддержки Франции и всех СМИ (государственных и частных), которые выступают против этого явления. Слова политиков дорогого не стоят, так как им больше не доверяют. Поэтому религиозные лидеры имеют больше влияния, чем политические лидеры. Политики опираются на религиозных лидеров, чтобы получить поддержку у населения. Это противоречит отделению политики от религии. Кроме религиозных авторитетов журналистам также доверяют, несмотря на то, что их иногда обвиняют в предвзятости.

Таким образом, СМИ являются опорой гуманизма в современной Африке. В Мали журналисты, работая в сложных условиях, остаются приверженцами гуманных и законных методов управления. Газеты воспитывают население, особенно молодежь, в духе уважения традиций, развития гуманизма в отношениях людей.

Литература

1. Хорольский В.В. Современные теории массовой коммуникации на Западе: Пособие по спецкурсу. Воронеж, ВГУ, 2011. 197 с.
2. Hicks B. Satellite and cable TV in Africa. North of Limpopo. London, 1996.- 327 p.
3. Perret Thierry. Médias et démocratie au Mali. Le journalisme dans son milieu.// Politique africaine, 2005/1 N° 97, p. 18-32. DOI : 10.3917/polaf.097.0018.
4. https://www.monde-diplomatique.fr/2007/11/DIOP_MAES/15329
5. <http://gloomedias.blogspot.ru/2013/05/medias-sociaux-blogs-journalisme.html>

ВЛИЯНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ФАКТОРА НА ВОЗНИКНОВЕНИЕ МАССОВО-ИНФОРМАЦИОННЫХ ПРОСТРАНСТВ ХАКАСИИ И ГОРНОГО АЛТАЯ В 1920-1930-Е ГГ.

Ю.Б. Костякова,

кандидат исторических наук, доцент

Хакасский государственный университет им. Н.Ф.Катанова (Россия)

E-mail: uka29@yandex.ru

Аннотация. В статье исследован процесс формирования политических, экономических и культурных предпосылок для возникновения массово-информационных пространств в Хакасии и Горном Алтае. Выявлено влияние политического фактора на создание национальной письменности, организацию

образования и культурного просвещения населения данных территорий, стимулирования устойчивой потребности в медиаинформации.

Ключевые слова: массово-информационное пространство, Хакасия, Горный Алтай, аудитория, медиаинформация.

Summary. The article investigates the process of formation of political, economic and cultural prerequisites for the emergence of mass-information spaces in Khakassia and Altai Mountains. It is revealed the influence of the political factor on the creation of a national writing, organization of education and cultural education of the population of these territories, promote sustainable need for media information.

Keywords: mass-information space, Khakassia, Altai Mountains, the audience, media information.

Возникновение массово-информационного пространства (МИП), образуемого в результате взаимодействия и взаимовлияния СМИ, аудитории, авторов публикаций и медиаинформации, представляет собой длительный и сложный процесс, подверженный влиянию различных факторов, и, в первую очередь, политического. Для возникновения такого пространства требуются не только наличие в стране/регионе средств массовой информации и журналистских кадров, но и определенные условия, в которых взаимодействие и взаимовлияние всех участников массово-информационного процесса становится эффективным, а обмен общественно-значимой информацией – результативным. Наиболее значимыми предпосылками, обеспечивающими такие условия, можно назвать:

1) наличие письменности и расширение возможностей ее использования в массовой коммуникации;

2) повышение уровня грамотности и культурного развития населения;

3) физическая доступность средств массовой информации для потенциальной аудитории;

4) заинтересованность властей в вовлечении в массово-информационную деятельность представителей различных социальных, национальных и профессиональных групп населения;

5) формирование у потенциальной аудитории устойчивой потребности в получении и распространении общественно-важной информации.

Во многих национальных районах Сибири, где до революции отсутствовал опыт выпуска газет и использования письменности в массовой коммуникации, формирование вышеперечисленных предпосылок в первое десятилетие советской власти происходило не стихийно, а в прямой зависимости от содержания, основных направлений и методов реализации государственной национальной политики в сфере СМИ.

Для формирования массово-информационного пространства одними из наиболее важных условий можно считать создание/наличие письменности, как средства фиксации и передачи информации, и формирование у населения традиций ее использования в процессе коммуникации. Формирование данной предпосылки имеет особое значение, когда речь идет о создании национальной

по языку прессы в регионах с преобладанием коренного (нерусского) населения. Поэтому при исследовании возникновения массово-информационных пространств национальных территорий Южной Сибири – Хакасии и Горного Алтая – пристальное внимание было обращено на изучение процесса формирования письменности в этих национальных территориях.

Изменение в XIX в. политических и экономических интересов царской империи в Сибири выдвинуло на первый план решение вопроса о переводе автохтонных сибирских народов на оседлый образ жизни, а одной из основных составляющих национальной политики стала идея об их «слиянии» с русским населением [1, с. 214]. Реализация этой идеи осуществлялась не только в административной и аграрной, но и в культурной, в том числе, образовательной сферах.

В Горном Алтае созданием алтайской письменности с 1830-х гг. занимались миссионеры Алтайской духовной миссии. Разработанный ими на основе кириллицы алфавит вплоть до Октябрьской революции использовался для создания литературы, преимущественно, религиозного содержания, и букварей, в подготовке кадров миссионеров из числа инородческого населения. Сфера применения такой письменности была узкой, ее использование в коммуникации преследовала конкретную цель – распространения христианства. В целом, такая ситуация была характерна для национальной политики дореволюционного периода, поскольку, по справедливому замечанию А.Миллера, «Для имперской власти приоритетом является не насаждение культурной и языковой гомогенности населения окраин, а то, насколько та или иная версия этнической идентичности совместима с лояльностью династии и империи» [2, с. 80].

Национальная политика советского государства, основные положения которой были сформированы в 1922-1923 гг. и окончательно утверждены на XII съезде РКП(б), строилась на иных принципах. Анализируя их, Т.Мартин отмечал, что отличительной чертой этой политики «была систематическая поддержка внешних форм существования наций – территории, культуры, языка и элит», при этом внешние формы национальных меньшинств поддерживались в «гораздо большей степени, чем национального большинства». Реализация советской национальной политики предусматривала: 1) предоставление коренным народам автономии в различных формах; 2) развитие национальных культур и языков вплоть до придания последним статуса государственных на территории национального образования; 3) формирование новой национальной элиты и коренизацию кадров [3, с. 25, 28, 33].

Горный Алтай стал ярким примером эффективности проведения этой политики. Благодаря активности инициативной группы и удачному стечению политических обстоятельств, автономная область была здесь создана в 1922 г., что стимулировало работу по доработке национальной письменности и внедрению ее в массовую коммуникацию. В 1922 г. дореволюционная алтайская грамматика с незначительными изменениями была принята в качестве основы национальной письменности, что позволило выпустить 15 ноября 1922 г. первый но-

мер газеты на алтайском языке, представлявший собой перевод русскоязычного издания «Ойротский край».

В Хакасии первые попытки разработки национальной письменности также предпринимались до революции усилиями православных миссионеров, которые создали алфавит для перевода религиозной литературы на хакасский язык. Но, в виду отсутствия такого мобилизующего центра, каким в Ойротии являлась Алтайская духовная миссия, результатом этой работы стало издание только двух книг. В 1868 г. академик В.В.Радлов предложил свой вариант использования русского алфавита для фонетической фиксации произведений устного народного творчества на различных диалектах хакасского языка. Но реализация такой практики преследовала сугубо научные цели [4, с. 122, 125]. Наиболее приемлемым и учитывавшим фонетические особенности основных наречий хакасского языка оказался алфавит «Тодар мичиги», разработанный этнографом С.Д.Майнагашевым. После его трагической гибели в 1920 г. работу в этом направлении продолжил учитель, юрист и общественный деятель М.И.Райков [5, с. 167].

В начале 1920-х гг., когда в Хакасии стал активно обсуждаться вопрос о статусе территории, отсутствие национальной письменности могло расцениваться как один из признаков «культурной отсталости» коренного населения и стать сдерживающим фактором автономизации. В связи с этим в 1922 г. усилиями инициативной группы, в состав которой вошли представители русской и хакасской интеллигенции, был разработан национальный алфавит, одобренный летом того же года делегатами конференций работников культурно-просветительских учреждений Хакасии. Однако окончательное решение вопроса о введении в практику данного алфавита было принято только в ноябре 1924 г. после создания Хакасского национального уезда. Повышение статуса национального района и формирование органов управления предусматривало и повышение статуса национального языка, который, согласно решениям XII съезда РКП(б), планировалось использовать в официальном делопроизводстве. Следовательно, определяющим фактором при разработке, утверждении и внедрении в массовую коммуникацию национальной письменности был политический фактор.

Важной предпосылкой возникновения массово-информационного пространства является достижение населением национального региона такого уровня культурного развития и грамотности, который позволял бы не только механически читать, но и понимать содержание прочитанного. Именно это условие является основным при формировании аудитории и последующего выделения из ее среды авторов публикаций, ориентированных на сотрудничество со средствами массовой информации, активное участие в создании материалов для СМИ и распространении медиainформации. Главную роль в культурном образовании и просвещении граждан играли школы и учреждения культпросвета.

Различия в сроках создания национальной письменности обусловили отличия в развитии системы школьного образования в рассматриваемых террито-

риях. В Горном Алтае школьная система стала формироваться до революции, в основном, стараниями Алтайской духовной миссии. В Хакасии этот процесс был не таким масштабным, к тому же из-за отсутствия разработанной национальной письменности обучение в них велось на русском языке, несмотря на то, что многие ученики-хакасы данным языком не владели [6, с. 77]. Новая власть, установившаяся после Октябрьской революции, взяла курс на создание системы народного образования, главными принципами которой должны были стать бесплатность обучения, светский характер, массовый охват населения, приобщение к грамоте и знаниям представителей, прежде всего, беднейших слоев населения. Концепция советской национальной политики обуславливала особое внимание к организации обучения на национальных языках.

Особенности развития системы образования в Хакасии и Горном Алтае в начале 1920-х гг. определялись не только сложностями с финансированием, но и специфическими условиями, в которых происходил этот процесс. Создание школ существенно затрудняла сложная политическая обстановка, прежде всего, бандитизм, являвшийся отчасти следствием Гражданской войны. Вооруженное сопротивление новой власти обуславливалось не только отсутствием у представителей коренного населения понимания о советском и партийном строительстве, но и злоупотреблениями властью со стороны отдельных советских работников. Сложная политическая ситуация в Хакасии и Горном Алтае в начале 1920-х гг. была вызвана также неопределенностью статуса национальных районов. Образование 1 июня 1922 г. Ойротской автономной области создало политические предпосылки для стабилизации социально-экономического положения Горного Алтая, относительной нормализации работы учебных заведений и увеличению их числа.

Вопрос о придании Хакасии статуса национального образования активно обсуждался с 1917 г. Из-за неопределенности административного положения данной территории, входившей в состав Минусинского уезда Енисейской губернии, существовали серьезные трудности с созданием органов управления, финансированием и решением различных вопросов, в том числе, культурного строительства. С требованиями создания национального уезда выступала хакасская интеллигенция, участники беспартийных инородческих конференций, которые проходили в начале 1920-х гг. Однако некоторые представители власти в Енисейской губернии и Сибирском крае считали, что с выделением Хакасии в самостоятельную национально-административную единицу нужно повременить «в виду отсталости инородческого населения в экономической и культурном отношении» [7, с. 2]. Эта точка зрения, по-видимому, возоблада-ла, поэтому в 1923 г. Хакасия получила статус только национального уезда, а в 1925 г. – округа. Тем не менее, это расширило возможности для дальнейшего развития школьной системы, в том числе, в хакасских селениях.

Развитие системы образования и просвещения в национальных территориях непосредственно было связано с реализацией еще одного из направлений советской национальной политики – с подготовкой элиты, то есть с формиро-

ванием кадрового потенциала для проведения коренизации управленческого аппарата. Поэтому финансирование системы просвещения в национальных территориях было выше, чем в регионах, не имевших национального статуса. Во второй половине 1920-х гг., благодаря расширению школьной сети и введению новых и более эффективных форм ликвидации неграмотности (культпоходы, культэстафеты и др.), развитию общественных начал и подготовке новых кадров ликвидаторов, в Хакасии и Горном Алтае количество грамотных значительно увеличилось как среди коренного, так и русскоязычно населения. Это, на наш взгляд, создало предпосылки для формирования аудитории прессы.

Отметим, что основной задачей школ и ликбезов в 1920-е гг. считалось обучение и предоставление базовых знаний, необходимых для социализации в новых социально-экономических и политических условиях. Главной функцией политико-просветительских учреждений являлось политическое воспитание граждан. Но основная нагрузка возлагалась на организации культпросвета, которые должны были не только внедрять в массы идеологические установки, вести борьбу с «пережитками прошлого», то есть с проявлениями «дореволюционной», в том числе, традиционной национальной культуры, но и пропагандировать новые формы массовой коммуникации, в том числе, чтение газет и слушание радио. Этим обуславливалась их включенность в реализацию не только национально-культурной, но и информационной политики советского государства.

В Хакасии «очаги культуры» (за исключением школ) в дореволюционный период отсутствовали не только в местах компактного проживания коренного населения, но и в русских селах и рабочих поселках. Первые учреждения культуры в Горном Алтае появились в 1917-1918 гг.: усилиями Горной Думы была организована библиотека «по всем отраслям знаний» и приобретены экспонаты частной коллекции, заложившие основу будущего краеведческого музея [8, с. 99].

В период Гражданской войны культурно-воспитательная работа среди населения Сибири проводилась преимущественно средствами агитации и пропаганды. По утверждению В.Л.Соскина, в 1918-1919 гг. в Сибири имело место два вида культурной политики, построенных на разной идеологической основе: большевистский и антибольшевистский. Особенностью агитационно-пропагандистской работы большевиков была согласованность и организованный характер, а действенность определялась сочетанием культурной политики, направляемой из Центра, и низовой инициативы [9, с. 30-31]. Данный принцип, по нашему мнению, был сохранен и в дальнейшем, что позволило пробуждать инициативу на местах и направлять ее в нужное русло, используя для решения насущных задач культурной революции. Но при этом проводилась активная централизация и бюрократизация управления общественной жизни, усиление ее политической составляющей.

В начале 1920-х гг. самой распространенной формой культурно-просветительской работой на селе были кружки. В Хакасии они наиболее активно действовали там, где преобладало русское население. В национальных населенных пунктах они стали возникать во второй половине 1920-х гг. [10, с. 100].

Информация о таких самодеятельных кружках чаще всего появлялась в газетах, в частности, в минусинском издании «Власть труда», а не в официальных справках и отчетах. Это свидетельствует о том, что их создание в большей степени было проявлением личной инициативы людей, объединенных общими интересами. Наиболее ярким примером могут служить кружки «друзей газеты» или сельских корреспондентов. Создание такого объединения часто являлось способом защиты от нападков со стороны односельчан и их мести за критику и разоблачения, использовалось для поднятия авторитета селькоров, для обмена знаниями и опытом корреспондирования, а также для выпуска собственной рукописной стенгазеты. Возникновение кружков селькоров можно назвать одним из значимых результатов деятельности учебных и культурно-просветительских учреждений по пропаганде прессы. Также формирование корреспондентских объединений свидетельствовало о том, что в национальной территории создавались предпосылки для формирования еще одного элемента массово-информационного пространства – авторского состава местных СМИ.

Главным культурным центром на селе в 1920-е – 1930-е гг. являлись избы-читальни, при которых работали пункты ликвидации неграмотности, консультационные и справочные бюро, школы распространения сельскохозяйственных знаний. На их базе создавались разнообразные кружки, а также происходило объединение уже существующих кружков под эгидой избы-читальни. Такие учреждения создавались централизованно, а их работа организовывалась в соответствии с решениями, в частности, XIII съезда ВКП(б), определившего основные направления советской культурной политики. С учетом специфических местных условий в рассматриваемых территориях организовывались передвижные (кочующие) избы-читальни, которые именовались «красными юртами». В Горном Алтае в отдаленных и труднодоступных селениях культурную работу проводили кочующие агитаторы, в задачи которых входило проведение бесед, консультаций и громких чтений газет [11].

Центральной составляющей стационарных и кочующих учреждений культуры являлась библиотека, в которой значимое место занимала (должна была занимать) периодическая печать. Пресса использовалась как источник разнообразной событийной и специальной информации, но также и как авторитет, к которому апеллировали при проведении собраний и митингов, организации устной агитации и пропаганды. Избы-читальни были обязаны устраивать громкие чтения газет, организовывать подписку на них, через кружковую работу привлекать к сотрудничеству с ними внештатных авторов. Таким образом, благодаря деятельности изб-читален в пространство массовой коммуникации активно включалась пресса.

Постоянно действующие и передвижные избы-читальни от кружков и кочующих агитаторов отличались комплексностью проведения культурно-просветительской работы, многопрофильностью и ориентацией на все возрастные группы населения. Но общей чертой в работе и тех и других являлось преобладание устной коммуникации. Это было вызвано не только массовой неграмотностью

и малограмотностью адресатов информации вне зависимости от их национальности, но и особенностями менталитета хакасов и алтайцев, сформированного в традициях обмена общественно-значимыми сведениями в устной форме. Поэтому при громкой читке прессы, являвшейся в условиях массовой неграмотности населения основной формой представления медиаинформации аудитории, основная нагрузка ложилась на чтеца. Результативность воздействия на слушателей зависела от его владения двумя языками, умения быстро переводить, доступно пересказывать полученную информацию и комментировать (пояснять) ее, а также от его личного авторитета. Доверие к чтецу определяло и степень доверия к ретранслируемым им сведениям, получаемым им из газеты. Этим можно объяснить тот факт, что для проведения громких чтоток прессы старались привлекать не просто грамотных, но и людей, обладавших на селе авторитетом – учителей, советских работников выступавших в роли не только ретрансляторов медиаинформации, но и лидеров общественного мнения.

Отметим, что проведение избами-читальнями пропаганды информации и специальных знаний, получаемых из периодической печати, организация подписки на прессу и ее распространения, громких чтоток газет, а в 1930-е гг. и коллективного радиослушания, обеспечивали формирование еще одной важной предпосылки возникновения массово-информационного пространства – возможности физического доступа потенциальных потребителей медиаинформации к СМИ. Однако главным условием, необходимым для возникновения МИП, является появление устойчивой потребности в распространении и получении общественно-важной информации не у отдельных граждан, а у значительной части населения территории. При наличии такой, можно сказать, массовой потребности, ощущаемой интуитивно, подспудно или вырабатываемой в результате активного воздействия извне, взаимодействие СМИ с другими участниками массово-информационной деятельности – аудиторией и внештатными авторами будет продуктивным.

Замечено, что потребность в получении информации повышается в периоды коренных изменений в общественной жизни, которые несут с собой, в первую очередь, войны и революции. Первая мировая война, Февральская и Октябрьская революции, гражданская война стали мощным катализатором активизации процессов массовой коммуникации. Сложность событий и неоднозначность их оценки потребовали большего, чем прежде, объема разнообразной информации, которая позволяла бы не только понять суть происходящего, но и определить свою позицию и линию поведения в создавшейся ситуации, адаптироваться в новых политических и социально-экономических условиях. Обострившиеся информационные потребности населения Хакасии и Горного Алтая активно использовали представители различных политических партий, объединений и движений, в том числе, национальных. Наиболее популярными формами массовой коммуникации в данный период являлись листовки, воззвания, приказы, обращения, письма, которые распространяли органы советской и временной власти, подразделения колчаковской, Красной и крестьянской ар-

мий, партизанские отряды всех мастей, а также отдельные лидеры, обладавшие известностью и авторитетом среди населения. Данные документы, по нашему мнению, предназначались в большей степени не для индивидуального, а, скорее, для публичного чтения и дальнейшего устного пересказа. Они использовались при проведении разъяснительной, агитационно-массовой и идеологическо-воспитательной работы, а также для намеренного запугивания и дезинформации граждан, создания у них искаженных представлений о действительности и дальнейшего управления их поведением.

Особенностью коммуникационных процессов в Хакасии в до- и постреволюционный период являлось участие в них значительного числа ссыльных, находившихся на поселении, как на территории национального района, так и в Минусинске и окрестных селах (в т. ч. с. Шушенское, где отбывал ссылку В.И. Ленин). К 1917 г. в уездном центре – г. Минусинске было хорошо развито издательское дело, выходили местные газеты, имевшие, правда, ограниченное хождение на территории Хакасии, что было обусловлено относительно небольшим количеством людей, способных не только читать, но и понимать содержание прессы. Однако материалы изданий активно использовались в устной агитации: ссылка на первоисточник, как мы считаем, повышала степень достоверности распространяемых сведений и доверия к ним аудитории.

Активности массовой коммуникации в Хакасии способствовал и более высокий, чем в Горном Алтае, уровень развития промышленности: наличие не только заводов, рудников и угольных копей, но и рабочих поселков. Сосредоточение людей, занятых коллективным трудом, усиливало коммуникационные процессы и увеличивало объем циркулировавшей информации. В данные процессы вовлекались и представители коренного населения, которые были вынуждены уходить на шахты и прииски в поисках работы. Это в свою очередь повышало роль русского языка в информационном обмене, что стало особенно заметным после создания местной русскоязычной прессы в 1930-е гг. В Горном Алтае отсутствовали предприятия и крупные рабочие поселки, поэтому и отсутствовали условия для активной, в том числе, межэтнической коммуникации. Незрелость транспортных коммуникаций (за исключением Чуйского тракта) затрудняла связь, общение с внешним миром, приводила к определенной информационной и культурной замкнутости местного населения, прежде всего, коренного.

Однако в 1920-1930-е гг. различия в культурном развитии жителей Хакасии и Горного Алтая были заметно нивелированы за счет масштабной организации системы культпросвета. Ее создание в национальных районах, стимулированное решениями XIII съезда ВКП(б), было вызвано необходимостью усиления партийного влияния на сельское население, составлявшее в стране и в Сибири подавляющее большинство, и проведения масштабных реформ на селе.

Увеличение числа центров культуры в сельской местности рассматриваемых территорий способствовало расширению охвата населения культурной работой и приобщению его не только к новым знаниям, но и новым формам по-

требления и трансляции сведений. Реализация большевиками своей информационной политики через массовое культурное просвещение граждан преследовала в первую очередь прагматическую цель, отражавшую специфику советской культурной и национальной политики. Наиболее точно эту цель обозначил В.Л.Соскин: «Просветить массы в такой мере, чтобы в итоге создать армию элементарно образованных тружеников, способных и готовых без разного рода «умственных вихляний» осуществлять цели власти, провозгласившей построение социалистического государства» [12, с. 24].

Организация такого просвещения, включавшего в себя образование (через школы и ликбезы) и воспитание (через учреждения культ- и политпросвета) граждан всех возрастов, создавала возможности для устойчивых процессов массовой коммуникации, стимулировала участие в них людей, обеспечивала доступ к средствам массовой информации, в значительной степени способствовала формированию как отдельных элементов массово-информационного пространства (пресса, аудитория, авторы публикаций), так и данного пространства в целом.

Литература

1. Сибирь в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 368 с.
2. Миллер А. Империя Романовых и национализм. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 248 с.
3. Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923-1939; [пер. с англ. О. Р. Щелоковой]. М.: РОССПЭН, Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011. 855 с.
4. Инкижекова А. И. К истории развития хакасской письменности // Записки. Вып. 2. Абакан: Хакас. обл. гос. изд-во, 1951. С. 119-134.
5. Гладышевский А.Н. Из истории создания хакасской письменности // Республика Хакасия как субъект Российской Федерации: опыт, проблемы, перспективы: мат-лы III республ. науч.-практ конф-и, посвященной 10-летию Республики Хакасия (Абакан, 29-30 июня 2001 г.). Абакан: Изд-во ХГУ им. Н.Ф. Катанова, 2001. С. 166-168.
6. Мохов А.Н. Дореволюционные школы в Хакасии // Ученые записки ХакНИИЯЛИ. Вып. XIII. Сер. историческая. № 1. Абакан: Хакас. отд-ние Краснояр. кн. изд-ва, 1969. С. 68-85.
7. Д. Итоги 4-й инородческой беспартийной конференции // Власть труда, 1923, 17 июня.
8. Мемет Л.П. Ойротия. Очерк национально-освободительного движения и гражданской войны на Горном Алтае. Горно-Алтайск: Изд-во «Ак чечек», 1994. 184 с.
9. Соскин В.Л. Советская культурная политика Сибири (1917-1920-е годы). Очерк социальной истории. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2007. 70 с.

10. Асочаков В. А. Начальный этап культурного строительства в Хакасии (конец 1917–1920 гг.) // Ученые записки. Вып. XIII. Сер. историческая, № 1. Абакан: Хакасское отделение Краснояр. кн. изд-ва, 1969. С. 86-102.

11. Комитет по делам архивов Республики Алтай. Ф. 1. Оп. 1. Д. 460. Л. 55.

12. Соскин В. Л. Советская массовая культура: у истоков (1917-1927 гг.). Новосибирск, 2001. 150 с.

БОГОСЛОВСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В ТАТАРСКОЙ ПРЕССЕ НАЧАЛА XX ВЕКА

Р.Р. Сафиуллина-Аль Анси,

кандидат филологических наук, доцент

Казанский (Приволжский) федеральный университет (Россия)

E-mail: rezedaf@mail.ru

Аннотация. В работе представлены результаты изучения текстов татарских ученых, посвященных вопросам теологического характера, опубликованных в татарских журналах и газетах начала XX века. Дается тематический обзор, классификация богословских вопросов, поднимавшихся авторами. На примере этих публикаций мы видим, что с появлением первых газет и журналов на татарском языке, они стали играть важную роль в обсуждении животрепещущих проблем уммы.

Ключевые слова: татарская пресса, татарская богословская мысль, исламское вероучение, исламское право, экзегетика.

Summary. The article deals with the results of the study of Tatar scientists' texts which were devoted to theological issues and published in the Tatar newspapers and magazines in the early twentieth century. It gives a thematic review, the classification of theological issues raised by the authors. It is shown on the basis of these publications that with the advent of the first newspapers and magazines in the Tatar language, they started to play an important role in the discussion of the burning problems of the Ummah.

Keywords: press Tatar, Tatar theological thought, Islamic faith, Islamic law, exegesis.

В начале XX в. на фоне переживаемой татарской нацией трансформации общественной жизни, происходит феноменально бурное развитие национальной прессы. Так, если еще в первой половине 1905 года у татар не было ни одной собственной газеты, то после Манифеста 17 октября и Временных правил о периодической печати (14 ноября 1905 г.), огромная потребность в национальной печати у народа, обладавшего высокой степенью грамотности на родном языке, восполняется с лихвой, только за два года число татарских газет и